

Дина

Ахмедсафина

Людмила

Султанова

доцент Сибирского Федерального
университета

ПОКРОВИТЕЛЬСТВО КАЛЛИОПЫ И ГЛИПТИИ

*И цветы, и шмели, и трава, и колосья,**И лазурь, и полуденный зной...**Срок настанет – Господь сына блудного спросит:**«Был ли счастлив ты в жизни земной?»***Иван Бунин**

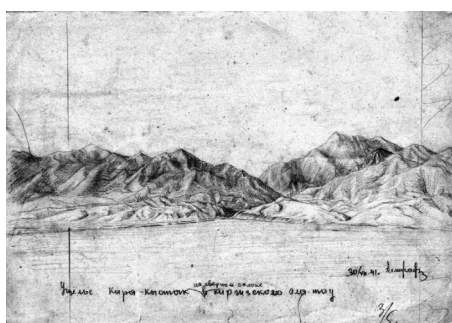
На этот непростой вопрос он, Уфа Ахмедсафин, ответил бы Всевышнему «да». Стойко преодолевая все сложности и препятствия на своем пути, любивший безмерно жизнь и упорный труд, он в довольно молодом возрасте достиг почти всех научных вершин: в 35 лет – доктор наук, в 36 – профессор, в 46 – академик. В 57 лет он – единственный гидрогеолог на всем постсоветском пространстве – Герой Социалистического Труда, 100-летний юбилей которого в 2012 году отмечался под эгидой ЮНЕСКО. В 1965 году в возрасте 53 лет он создал единственный в системе АН СССР Институт гидрогеологии и гидрофизики. В минувшем году институт, носящий его имя, торжественно отметил свое 50-летие. Для молодых ученых была учреждена премия имени первого директора института, академика НАН РК, Героя Социалистического Труда Уфы Мендбаевича Ахмедсафина. Несомненно, он считал себя очень счастливым человеком, но о нем можно сказать, что он – «человек, спасенный наукой». Да, именно так, потому что, если бы не наука, которой он себя посвятил, неизвестно, как сложилась бы его жизнь, потому что была у него в жизни мечта, которая, к сожалению, не осуществилась. Но обо всем по порядку.

Уфа Мендбаевич родился в 1912 году в Аккайынском районе Северо-Казахстанской области. Жестокая оспа унесла жизни почти всех жителей родного аула. Всевышний же поцеловал малыша в маковку – он не только уберег его, но и наделил Уфу талантами: умением рисовать, абсолютным слухом и неудержимым стремлением к знаниям. Страсть к рисованию проявилась еще в сиротском детстве, когда он пастушонком пытался палочкой рисовать на песке овец, козочек и верблюжат, что были рядом с ним, и получалось очень похоже.

Уфе повезло: его желание учиться заметил аульный учитель и отвез мальчика в приют в Петропавловск. Там-то и началась его счастливая жизнь: появилась крыша над головой, всегда был кусок хлеба, и, самое главное, появилась возможность рисовать, была, хоть и плохая, но бумага и грифельки или огрызки карандашей, и были учителя, давшие основы знаний. Настоящее же везение пришло, когда он в числе семнадцати одаренных, отличившихся в учебе ребят был направлен в Каздеткоммуну в опытно-показательную школу-интернат в Оренбурге. Казнаркомпрос

нуждался в будущих кадрах и уделял пристальное внимание подбору педагогического состава: а в него входили бывшие учителя гимназий и белые офицеры, перешедшие на сторону Советов. Преподавание было поставлено на должном уровне, и отношение как к общеобразовательным предметам, так и к рисованию, музыке, спорту было серьезным. Педагог по рисованию Краснов сразу заметил незаурядные способности новичка – Уфы Ахмедсафина и уделял ему особое внимание. «Таланты есть всюду, во всех областях человеческой деятельности, но важный период после выявления таланта – воспитание» – так позже вспоминал У. М. Ахмедсафин. Воспитывали в школе-интернате очень правильно, строго, но зато прививали умение быть не по годам самостоятельными, серьезными и ответственными за свое будущее.

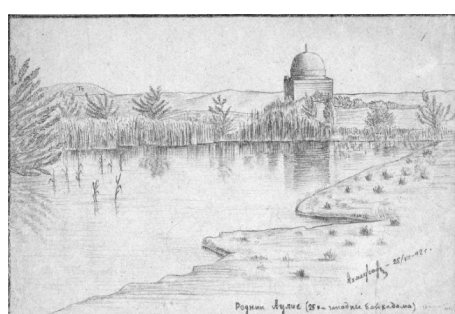
Уфа хорошо учился и много и упорно рисовал. Особенно удавались Уфе портреты, и потому ему поручили возглавить группу оформителей, которая украшала школу к праздникам, готовила наглядные пособия. В интернате был кружок рисования, где он совершенствовал свои способности, в этом кружке был и его приятельский друг М. Мендикулов. Уфа участвовал в конкурсах учащихся Оренбурга на лучший рисунок. За один из рисунков, изображавший

быт казахского аула на фоне степных просторов, был удостоен первой денежной премии. Кроме того, его рисунки демонстрировались на Всесоюзной выставке детских рисунков в Москве, и он получил грамоту. Школа-интернат за короткий срок обрела признание не только в автономии, она стала известна в стране. Председатель Казсовнаркома Сакен Сейфуллин посетил школу и даже остался на пару дней погостить у ребят-интернатовцев, ознакомиться с их бытом. Уфе удалось сделать его карандашный портрет, чем он очень тронул наркома. Учитель же посоветовал подарить и рисунок с видом на реку Урал.

Своим кратким инспектированием остался доволен и нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. Интеллектуал, эстет, он положительно оценил знания ребят, их начавшую обозначаться высокую культурную подготовку. Спустя более сорока лет дочь А. В. Луначарского, красивая, обаятельная женщина, брала интервью у У. М. Ахмедсафина после окончания совещания, проходившего во ВСЕГИНГЕО, где он выступал с докладом. Уфа Мендбаевич с гордостью поведал ей о той встрече с наркомом, приятно было и Ирине Анатольевне услышать воспоминания об отце.

География, литература, музыка были любимыми предметами Уфы, но рисование – вот, что было близко его сердцу, было целью его жизни, и любимый учитель Краснов настоятельно советовал посвятить себя именно рисованию.

Пролетели школьные годы, и вот уже выпускнику Уфе Ахмедсафину предстояло принять, пожалуй, самое важное в его жизни решение – выбрать профессию, хотя в душе решение давно уже было принято – он станет художником. Но, к сожалению или счастью, в ту пору государству нужны были другие специалисты – строители, гео-

подрабатывает в газете «Комсомолец Востока» оформителем и рисовальщиком, собирает деньги на поездку.

И вот она – Москва!.. Каково же было разочарование Уфы, когда, войдя во ВХУТЕИН, он вдруг узнает, что вступительные экзамены из-за голода, охватившего страну, были отменены. Но он не собирается сдаваться: без билета, легко одетый, он тайком едет в теплушке товарного поезда в Северную Пальмиру – попытать счастье в Институте живописи, архитектуры и скульптуры им. И. Репина. Однако не суждено было учиться Уфе живописи, в Ленинграде повторилась та же самая история: студенческий набор отменили.

С горечью в сердце он понимает, что с судьбой не поспоришь, но и принять то, к чему не лежит душа, для него было неприемлемо. Вернувшись в Ташкент, он узнает, что в САГРИ (Среднеазиатском геологоразведочном институте) стала изучаться наука – поиск воды там, где ее мало или совсем нет. И он начинает добиваться перевода из САХИИ в САГРИ. Если не живопись, тогда – гидрогеология! Наука о воде, ее поиски спасли молодого человека от жизненных разочарований, он вновь обрел мечту в поиске двух главных элементов в таблице Менделеева, ей он и посвятил себя.

Учеба на геологоразведочном факультете САГРИ шла успешно, там появились и верные, на всю жизнь, друзья: Гани Мавлянов, будущий академик АН УзССР и директор узбекского Института сейсмологии, и Хабиб Абдуллаев, будущий член-корреспондент АН СССР, президент Академии наук Узбекистана. Успешно окончив ташкентский вуз, друзья принимают решение поступать в аспирантуру Московского геологоразведочного института им. С. Орджоникидзе. Из 18 претендентов были приняты пятеро, и трое из них – наши неразлучные приятели.

В аспирантуре они тоже были лучшими, и их учителя, крупнейшие ученые Союза, с большим удовольствием общались с ними и вне стен института. Молодые люди были начитаны, эрудированы, не лишены чувства юмора. Однажды они даже приняли участие в конкурсе в клубе «Каучук», что на Усачевке, и выиграли патефон марки «Дружба».

Академик Ф. П. Саваренский, видя, как У. Ахмедсафин оформляет зарисовками свои работы, пригласил его домой и познакомил со своей коллекцией картин и богатым собранием альбомов с репродукциями знаменитых художников, а однажды повел Уфу к своему хорошему знакомому, известному художнику М. В. Нестерову, автору картин «Видение отроку Варфоломею», «Пустынник». Михаил Васильевич оказался очень гостеприимным, поил чаем, показывал свои работы. Много инте-

логи, физики, экономисты, и документы без согласия Уфы были отправлены в Ташкент, в САХИИ (Среднеазиатский хлопково-ирригационный институт). Но когда у человека есть цель, он не сдается и не падает духом. И вот Уфа старается не отчаиваться и планирует проучиться один семестр в Ташкенте, а потом, зимой, ехать в Москву. Он учится в САХИИ и параллельно вечером

Экспедиция в Муюнкумах.
Ноябрь 1941 г.

ресного услышал Уфа в тот морозный вечер в доме в переулке Сивцев Вражек. Узнал там, что великая княгиня Елизавета Федоровна, родная сестра последней русской императрицы, пригласила художника расписать Марфо-Мариинскую обитель, которую она после гибели мужа, генерал-губернатора Москвы, основала на средства от продажи своих драгоценностей, и сделать эскиз рясы для монахинь строящейся обители. В этот наряд княгиня облачилась потом и сама. Много рассказывал художник и о знаменитом Павле Третьякове, с которым дружил и который ему позировал.

В доме художника произошло переосмысление взглядов на аспекты, которые в те времена мало затрагивали. Заговорили, когда художник показал свое полотно «Философы» с изображением Павла Александровича Флоренского и Сергея Николаевича Булгакова. Имена этих людей были известны, но, в силу их убеждений, они оставались как бы в тени. У. Ахмедсафин с большим интересом прислушивался к разговору Федора Петровича с художником, полностью разделявшим взгляды этих интересных для него людей. Из услышанного он узнал, что П. Флоренский, ученый, инженер, стал религиозным философом, богословом, а его друг и единомышленник С. Булгаков, экономист, легальный марксист, пришел к религиозной философии, затем богословию и эмигрировал во Францию в 1923 году. Что-то шевельнулось в сердце Уфы, ведь с Аллахом когда-то в далеком детстве его знакомил старик-мулла, и в душе это «что-то» осталось.

У. М. Ахмедсафин с внучкой Эллиной и дочерью Диной.
1982 г.

Забегая вперед, отметим: много позже вице-президент АН СССР, академик А. П. Виноградов, принимавший участие в переиздании 15-томного собрания трудов академика В. И. Вернадского, говорил с Уфой Мендбаевичем о П. А. Флоренском. Взгляды религиозного философа, ученого и поэта на многие вопросы не были чужды А. П. Виноградову, в свое время изучавшему теологию. При прощании он подарил Уфе Мендбаевичу номер «Бюллетеня», содержавшего переписку В. И. Вернадского с П. А. Флоренским.

Конечно, интересно было внимать такому рассказчику, уходить не хотелось, ведь этот человек вплотную соприкасался с историей, и сам, по сути, был уже историей. Прощаясь, Нестеров подарил Уфе открытку с репродукцией своей работы «Портрет дочери» с автографом. К великому сожалению, во время пожара в общежитии института на Усачевке сгорели какие-то рисунки самого Уфы Мендбаевича, фотографии и эта открытка-реликвия.

Годы обучения в аспирантуре были плодотворными как в плане обретения дальнейших научных знаний, так и духовного роста молодого ученого. Французский ученый Луи Пастер сказал: «Наука повышает интеллектуальный и моральный уровень, способствует торжеству идей». Его мировоззрение в наибольшей степени определили его знания, дальнейшее философское восприятие науки и общий культурный уровень.

По возможности, когда позволяло время, он с друзьями посещал картинные галереи, музеи, творческие вечера, проходившие в Доме ученых. На одной из таких встреч узнал, что писатель А. Фадеев в молодости был геологом. Там же он познакомился с Георгием Федоровичем Моршаковым, будущим бессменным директором Института культуры, тогда еще только младшим научным сотрудником. Будучи человеком знающим, общительным и обаятельным, Моршаков имел обширный круг знакомств среди культурной элиты Москвы и с удовольствием представлял Уфу Мендбаевича своим знаменитым знакомым. Узнав, что Уфа Мендбаевич хотел быть художником, интересуется живописью, познакомил его с выдающимися художниками Ю. И. Пименовым, М. В. Куприяновым (Кукрыниксы), молодым начинающим скульптором Тумановым. Среди близких друзей Г. Ф. Моршакова был и молодой тогда писатель Орест Михайлович Мальцев, ставший очень известным после выхода в свет романа «Югославская трагедия», за который он был удостоен Сталинской премии. Орест Михайлович интересовался людьми разных профессий, в том числе и людьми науки, писал о них очерки, рассказы; встречаясь с Уфой Мендбаевичем, с интересом слушал его повествование об экспедициях, о пустынях, о житье-бытье казахов в до- и послереволюционной России.

Нельзя сказать, что часто, но все-таки периодически они общались, поддерживали дружеские отношения. Георгий Федорович дважды посетил Алма-Ату по приглашению Уфы Мендбаевича. Побывав первый раз, был настолько очарован городом, что где-то через год приехал осенью, в пору созревания апорта, отдохнуть недельку в горах.

Весной Уфа Мендбаевич посещал Звенигород, под Москвой, и Георгий Федорович старался, если получалось, подгадать свой отдых вместе с супругой в то же время, что и он.

Листая каждый день
Листки календаря,
Вы вспоминайте Звенигорье,
Где встретились бывалые друзья,
Во Львовском во Дворце
с подворьем.

27.05.1972 г.

Вера Федоровна, Георгий Федорович Моршаковы

Юбилеи и праздничные события Моршаков отмечал особо, посвящал другу стихи. Эти строки Георгий Федорович подарил Уфе Мендбаевичу, когда он был награжден орденом «Дружбы народов» в связи с 70-летием со дня рождения:

Степь Казахстана всю прошел,
Море воды он в ней нашел,
ГидроНИИ потом возглавил
И на весь мир страну прославил!
И пусть он ростом невелик,
Степей орел,
Герой Труда,
Нептун земной
И большевик!

С глубочайшим уважением, Георгий Федорович Моршаков

15.07.1982 г., г. Звенигород, санаторий «Звенигород-3»

Случалось, что Орест Михайлович, узнав, что Уфа Мендбаевич в Москве, приглашал его и Георгия Федоровича отобедать в очень модном тогда ресторане Дома литераторов. За ним обычно заезжал.

Уфа Мендбаевич тоже дважды приглашал его в дом дочери угостить блюдами национальной казахской кухни: казы и бешбармаком. Там же он познакомил писателя с казахскими академиками-горняками О. А. Байконуровым и А. С. Сагиновым. В ту пору О. М. Мальцев работал над повестью о карагандинских горняках.

Однажды Мальцев пригласил Уфу Мендбаевича и Георгия Федоровича к себе на дачу, повез он их в знаменитый поселок писателей Переделкино, одно из замечательных мест в Подмоскowie. Отмечали День Победы.

Дача Мальцева находилась рядом с дачей Корнея Чуковского.

Хозяин пригласил осмотреть дом. Большой, двухэтажный, он внутри был похож больше на музей: Орест Михайлович с гордостью показывал великолепную коллекцию икон, стены его кабинета украшали старинные кожаные рельефные тиснения с изображениями знаменитых старцев, а о содержимом библиотеки и говорить не приходилось: поражало количество раритетов и книг, принадлежащих перу интересных ему авторов. Владелец эти бесценные сокровища с гордостью показывал.

Большое восхищение вызвал прекрасный участок, где располагалась дача, который был воистину великолепен: он был очень большой, и росли на нем изумительной красоты корабельные сосны, старые, высоченные, могучие. Начавшие подъезжать друзья писателя располагались на скамейках и в гамаках, наслаждаясь этой царственной красотой. Среди гостей были люди знаменитые, широко и мало известные. Г. Ф. Морщаков, расположившийся на удобной скамейке, охотно рассказывал о них. Народу становилось все больше: гости гуляли по тенистым лужайкам, заходили в дом, держались все очень просто, ведь здесь собрались друзья.

Легендарный актер советского кино Николай Крючков много шутил, порой отпускал двусмысленные остроты. Не меньшим вниманием пользовался Юрий Левитан: он был в общении мягок и доброжелателен, разве что его голос заставлял присутствующих постоянно чувствовать его эпохальную важность. Зато модная и очень популярная в те годы певица Эльмира Уразбаева держалась надменно, ни на миг не забывая о том, что исполняемые ею «Наманганские яблоки» поет вся страна.

Многие из присутствующих на этой праздничной вечеринке знали о войне не понаслышке, и разговор, конечно же, постепенно перешел к воспоминаниям о военных днях, о том, что происходило на разных фронтах, говорили о победном, хотя и с тяжелейшими потерями, наступлении. Уфа Мендбаевич принял в разговоре самое живое участие. Ю. Б. Левитан не ожидал, что кто-то может внести уточнение или вставить хотя бы полслова в его чеканную речь. А тут вдруг совсем незнакомый человек тихим голосом пытается дополнить его. Юрий Борисович с интересом стал расспрашивать Уфу Мендбаевича, откуда у него такие познания. «Как вы это запомнили? Ведь подобная точность в информации – удел военачальников, да и – мой», – улыбаясь, сказал главный диктор страны. А поддержать разговор Уфе Мендбаевичу помогли, конечно же, осведомленность и красные и синие линии, которые он постоянно выводил в атласе, слушая сообщения Совинформбюро, передававшиеся непосредственно самим Левитаном. Под конец вечера они уже сидели рядом: круг их интересов замкнулся. Прощаясь, Юрий Борисович вынул из внутреннего кармана пиджака пишущую ручку с золотым

пером и красной рубиновой звездочкой на колпачке и подарил на память Уфе Мендбаевичу. «Мне было очень приятно с Вами познакомиться, желаю Вам писать ею те линии, которые будут приносить радость людям», – сказал он. Вот таким выдался тот вечер, полный интересных бесед и незабываемых встреч.

Посчастливилось Уфе Мендбаевичу пообщаться и со знаменитым писателем Валентином Катаевым, который в разговоре, что состоялся уже в начале 50-х годов, поведал занятную историю. Как-то он оказался у дома, в котором жила знаменитая певица Лидия Русланова, очень любимая народом, но в какой-то момент впадшая в немилость властей. Ее муж, генерал, и она были репрессированы. В тот момент, когда из дома выносили конфискованные вещи, В. Катаев, остановившись у подъезда, спросил у одного из гэбэшников, что это там выносят в многочисленных деревянных ящиках: складывалось впечатление, что внутри них какие-то особые ценности, – певица жила богато и красиво. «Банки с вареньем», – небрежно и с долей разочарования в голосе бросил молодой служака. «Да, любила русская душа чайку с вареньицем попивать», – закончил свой рассказ писатель.

Там же, в Москве, он познакомился с земляком Кажимом Джумалиевым, аспирантом Литературного института. Это знакомство переросло в большую дружбу на долгие годы. Уфа Мендбаевич высоко отзывался о творчестве академика К. Д. Джумалиева, его литературных произведениях. К. Джумалиев в конце 40-х годов был репрессирован, и Уфа Мендбаевич всячески поддерживал его супругу Александру Ивановну, оставшуюся без помощи с сыном Махамбетом и дочерью Тамарой, о чем Александра Ивановна не забывала никогда. Когда Уфы Мендбаевича не стало, благодарная его памяти вдова, посещая могилу мужа, всегда доходила и до могилы Уфы Мендбаевича и клала цветы.

«Самый лучший подарок, сделанный людям после мудрости, – это дружба». Этот афоризм принадлежит французскому философу, герцогу Ф. Ларошфуко. Этим подарком могли похвалиться двое мальчишек, деливших когда-то топчан в приюте, пару ботинок на десятерых и соревновавшихся, кто лучше нарисует лошадь или овечку, – Уфа и Малбагар. Как порою бывают похожи человеческие судьбы, как будто одну делят на две половинки и дают двум людям. Это можно сказать о судьбах Уфы Мендбаевича и его друга Малбагара Мендикуловича Мендикулова.

Оба – сироты, встретились в приюте, смогли доказать, что они там лучшие, и были приняты в образцово-показательную школу-интернат. Там оба проявили себя опять же с лучшей стороны. По окончании учебы оба поступили и успешно окончили институты. Ни один, ни другой родных не имели и все, чего добились, сделали исключительно сами, без всякой помощи и поддержки.

Оба оказались потом волею судеб в Алма-Ате, занимались любимой работой, получили одновременно одинаковые квартиры в одном доме, даже на одном этаже. Дошли до вершины признания народом – были избраны депутатами Верховного Совета Казахской ССР. Пока все перечисленное, исключая сиротские годы, идет по возрастающей, вверх. Оба женились на москвичках, у каждой, правда, уже было по сыну, – но тут судьба сказала, что хорошего сходства, пожалуй, хватит. Дальше личная жизнь складывалась негладко, но когда возникла проблема у Малбагара Мендикуловича, он уходил к другу, который к тому времени был уже без жены, и вечером за пиалушкой чая вспоминали они, как делили топчан и были счастливы. Малбагар Мендикулович был талантливым, одаренным человеком, и хотя Уфа Мендбаевич специального образования не имел, главный архитектор Алма-Аты всегда хотел услышать мнение друга о своих произведениях, дарил свои книги. Когда Н. С. Хрущев упразднил Академию архитектуры, оба были крайне возмущены этим хрущевским актом вандализма.

В начале семидесятых годов, в связи с 30-летием Курской битвы, был объявлен всесоюзный конкурс на лучший проект монумента, посвященный этой дате. Уфа Мендбаевич решил принять участие в конкурсе. Не имея специальных знаний, он долго обдумывал, пытаясь все грамотно рассчитать, и нарисовал свой проект памятника. Памятник должен был представлять собой легкую изумительную дугу-радугу, центр которой как бы освещался солнечным лучом, символизирующим свет, тепло, жизнь. Жаль, что ксерокса тогда не было, рисунка со своего проекта он не сделал, а посланные бумаги не возвращались (остался лишь первоначальный набросок). Проект Уфы Мендбаевича не был утвержден, но сам факт того, что он принял участие в этом всенародном, государственном мероприятии, говорит о том, что он был подлинным патриотом. Для многих людей, знавших его, это было очевидно так же, как и очевиден его талант.

Известный советский скульптор, автор монументальных скульптур в Трептов-парке в Германии, мемориала на Мамаевом кургане в Волгограде и многих других работ, Евгений Викторович Вучетич был соседом профессора Тихона Павловича Афанасьева, старинного друга аспирантских лет Уфы Мендбаевича: его дом-мастерская был рядом с коттеджем мастера, да и активная деятельность профессора по спасению поселка была известна скульптору. Как-то в разговоре Тихон Павлович сказал, что друг его юности, теперь академик-гидрогеолог, нарисовал проект мемориала, посвященный 30-летию битвы на Курской дуге. Скульптор был удивлен и заинтересован, предложил Афанасьеву при возможности пригласить академика в мастерскую познакомиться. Это было очень лестно, так как Вучетич, будучи человеком занятым, времени на праздные разговоры не тратил.

Однажды ясным майским днем Тихон Павлович с Уфой Мендбаевичем направились в гости к маститому скульптору. Тому, конечно же, интересно было поговорить с ученым-гидрогеологом, для которого живопись была целью жизни с отроческих лет. Расспрашивал он о научных достижениях, о необычном для человека совершенно другого рода деятельности желании создать памятник, прославляющий подвиг народа. Оказалось, что они в один и тот же год пробовали свои силы в Ленинграде: Вучетич все же поступил в Академию художеств, куда будущий академик пытался поступить. Хозяин показал мастерскую, отдельные работы. У них возник взаимный интерес. Беседовали они часа три. Больше, правда, не встречались. Вучетич переехал в новый дом в Сивцевом Вражке на Арбате, приезжал на несколько часов в мастерскую поработать. Тихону Павловичу было очень приятно, что его друг вызвал интерес у Евгения Викторовича. Уфа Мендбаевич иногда все-таки с некоторой грустью вспоминал этот эпизод. Кто знает, быть может, в душе его все же жила некоторая боль о несбывшейся мечте.

В мастерской Вучетича Уфа Мендбаевич познакомился с его другом Николаем Ивановичем Дрючиным, который принимал живое участие в беседе и также был приятно удивлен, что человек науки, далекий от мира искусств, решил участвовать в создании мемориала в Курске. Дрючин, заслуженный художник РСФСР, прекрасный портретист, был очень добрым, скромным, простым в общении человеком.

Буквально с первых минут разговора у них возникла взаимная симпатия. Уфа Мендбаевич очень любил, когда собеседник шел легко на контакт, не страдал высокомерием, порою, причем, ничем не оправданным. Николай Иванович, будучи достаточно известным художником, к которому стремились попасть и позировать знаменитости, был по-детски робок и мил.

Художник пригласил Уфу Мендбаевича в мастерскую, располагавшуюся в самом центре Москвы на улице Горького, ныне Тверской, на последнем этаже высокого здания над квартирой писателя Ильи Эренбурга.

Из больших окон студии открывался чудесный вид на Москву. Кремлевские башни и золотые маковки церквей были совсем рядом, как на лубочной картинке. Николай Иванович показывал холсты. На мольбертах у стен во весь рост были портреты Олега Ефремова, Элины Быстрицкой, крупных военачальников. Работы были великолепны. Уфа Мендбаевич любовался прекрасно выписанными лицами, красивыми, не театральными, а очень натуральными позами людей, изображенных на полотнах. Неплохо разбираясь в живописи, он не по-дилетантски смотрел на работы, которые, безусловно, заслуживали всяческой похвалы. Хороши были и натюрморты с цветами и фруктами – он отдыхал душой в этой обстановке, наполненной цветом и запахом красок.

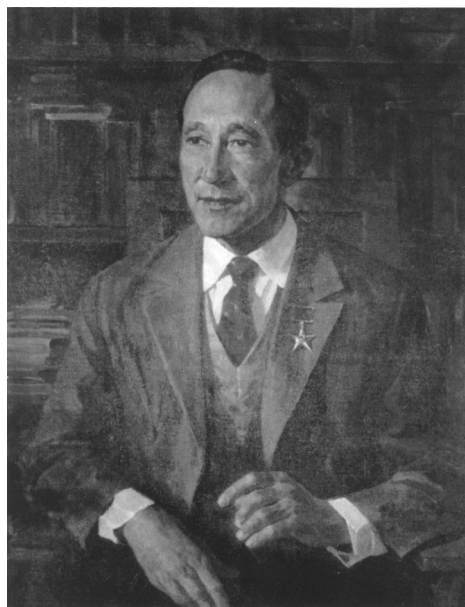
Та симпатия, которая возникла у них в первый день знакомства, не только сохранилась, но и возросла. Николай Иванович предложил Уфе Мендбаевичу написать его портрет, тот с благодарностью согласился. «Ученых я еще не писал, а тем более ученого, влюбленного в живопись и имеющего от нее занозу в сердце всю жизнь», – сказал художник. Через несколько дней Николай Иванович, подготовив холст под масло, начал работу. К зиме портрет был написан.

Завершенную работу «Портрет академика У. М. Ахмедсафина», размером 100 на 150 сантиметров, в красивой золоченой раме, которую Николай Иванович сам подобрал, художник показал своим друзьям и знакомым. Всем, кто его видел, портрет очень понравился. На нем Уфа Мендбаевич изображен сидящим в библиотеке, на заднем плане – шкафы с книгами, он как будто вел беседу, слегка жестикулируя руками. Прекрасно выписано лицо, глаза, руки, потрясающее сходство. Портрет был доставлен в Алма-Ату, он висел в кабинете ученого. Когда Уфы Мендбаевича не стало, портрет был подарен семей художественной галерее им. А. Кастеева в Алма-Ате, где он сейчас и находится.

По заказу Президиума АН КазССР народный художник Казахстана Н. Нурмухаммедов создал большой групповой портрет членов Президиума, академиков АН КазССР. С каждой «моделью» он работал отдельно, и потом поделился с Уфой Мендбаевичем, что его писать было легко: духовная близость помогала.

В 1976 году Министерство культуры Казахстана заказала народному художнику А. Степанову портрет У. М. Ахмедсафина в связи с присвоением ему звания Героя Социалистического Труда. Он, так же как и Н. Нурмухаммедов, признавался позже в том, что У. М. Ахмедсафин был отличной моделью: за время работы они не только близко узнали друг друга, но и художник увидел в нем человека, любящего и высоко ценящего искусство. А. Степанов в свой альбом «Человек с планеты Земля» поместил репродукцию портрета ученого и подарил ему альбом с дарственной надписью.

Был Уфа Мендбаевич и большим киноманом. Однажды мальчишкой попал в кино, полюбил его навсегда. Он был знаком с крупнейшими представителями этого вида искусства. Знал знаменитого актера Максима Максимовича Штрауха,

Портрет У.М. Ахмедсафина
работы заслуженного художника РСФСР Н.И. Дрючина. 1981 г.

в беседах удивлял его своими знаниями истории кино. В доме своей дочери познакомился с прекрасным мастером, оператором Сергеем Урусевским. Увидев висевшие на стене рисунки Уфы Мендбаевича, Урусевский был восхищен ими и поделился тем, что сам он когда-то окончил ВХУТЕИН, хотел быть художником, но потом решил посвятить себя кино. По мере общения стало заметно, что их взгляды, вкусы, интересы во многом очень схожи. На свою премьеру прекрасного фильма «Бег иноходца» по Ч. Айтматову Урусевский пригласил Уфу Мендбаевича и даже заехал за ним, чтобы отправиться в Дом кино.

Уфа Мендбаевич был хорошо знаком с режиссером Казахфильма Л. Верещагиным, снявшим о нем две ленты – «Живая вода» и «Подземные воды».

Будучи членом Президиума Верховного Совета Казахской ССР, он на заседаниях встречался с депутатом Верховного Совета СССР Л. Леоновым, делегированным в Казахстан. Писатель и ученый вне стен Верховного Совета близко сошлись. Автор знаменитых в те годы «Барсуков» и «Золотой кареты» долгие годы вел с Уфой Мендбаевичем переписку.

Был знаком Уфа Мендбаевич и с писателем Михаилом Шатровым, автором пьесы «Шестое июля», с очень интересным нашим земляком писателем М. Зверевым, кстати, биологом по образованию. Среди представителей прессы у него также было немало хороших знакомых, была даже медийная династия – отец и сын Мацкевичи. Олег Мацкевич познакомился с Уфой Мендбаевичем еще в начале 50-х, одним из первых освещал его открытия и свои симпатии к ученому передал сыну. Эдуард Мацкевич, молодой, прогрессивный журналист, воспринимал все новое на «ура», открытия У. Ахмедсафина старался освещать в разных изданиях, в том числе в журнале «Простор» и своей последней книге «Красный сайгак».

Тяга ко всему прекрасному жила в ученом, он любил классическую музыку, любил послушать фортепиано, скрипку, по слуху подбирал музыку на рояле и сочинял небольшие лирические мелодии. Академику довелось хорошо знать выдающихся скрипачей И. Ойстраха и Ю. Риентовича, он был большим другом братьев Абдуллиных.

Министр культуры Ильяс Омаров, интеллигентнейший и очень добрый человек, улыбаясь, говорил, что представители мира искусств тянутся к нему: «Жаль, что Вы ученый, хотя и выдающийся, лучше бы картины писали, искусство потеряло в Вас своего чудесного представителя». Когда Ильяса Омарова не стало, Уфа Мендбаевич очень переживал его безвременную кончину.

Занимаясь поиском подземных вод, У. М. Ахмедсафин сформировал гидрогеологическую науку в Казахстане, а созданной им методикой успешно пользуются ученые-гидрогеологи в аридных районах мира. Он был знаком и работал с крупнейшими учеными: академиком В. И. Вернадским, Бертраном Расселом, академиками О. Ю. Шмидтом, М. В. Келдышем, Н. Н. Славяновым, Ф. П. Саваренским, А. П. Виноградовым, К. И. Сатпаевым.

Он считал, что жизнь бесконечно гармонична, без гармонии он ее не воспринимал, и поэтому его всегда окружали представители мира прекрасного, – самая интересная наука будет сухой и скучной без ярких картин и дивно звучащих мелодий. Счастлив был он на планете Земля.

